

ской представляет собой серьезное, вполне завершенное в пределах поставленных проблем, написанное хорошим литературным языком, логичное по композиции научное исследование. Нет сомнения, что оно будет способствовать дальнейшей углубленной и новой по методике разработке проблем истории русского литературного языка старшего периода и русской исторической лексикологии, а также будет полезно для лексикографической работы. Наблюдения и выводы

Н. Г. Михайловской могут быть использованы и в практике вузовского преподавания истории русского языка.

Горшков А. И.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. М., 1975, с. 29, 33.

Федоров А. И. Сибирская диалектная фразеология. Отв. ред. Тимофеев К. А. — Новосибирск: Наука, 1980. 192 с.

Бурный рост фразеологии как самостоятельной дисциплины, характерный для последних трех десятилетий, привел к специализации аспектов исследования фразеологических единиц (ФЕ). Один из них — анализ диалектных ФЕ — приобретает сейчас особое значение потому, что он имеет широкий выход в проблематику историко-этимологического, сопоставительного и лингвострафического изучения фразеологии. До недавнего времени, однако, диалектная фразеология оставалась лингвистической «золушкой»: не случайно Б. А. Ларин избрал для своего основополагающего доклада на данную тему в 1959 г. афористичный эпиграф, характеризующий состояние исследований в данной области, — «Як би у мене було пшоно та сіль, то я б зварив кашу, — та жаль, що немає сала!» [1].

Трудами многих советских диалектологов положение сейчас значительно улучшилось. Изданы диалектные фразеологические словари [2, 3]¹, защищено около десяти кандидатских диссертаций по данной проблематике (Б. Ф. Захаров, М. В. Орел, Н. К. Нахотина, К. Н. Прокшова, Л. А. Бутарева и др.), написано более 300 статей². Монография А. И. Федорова, в которой обобщаются некоторые результаты этих трудов, является важной вехой в исследовании русской диалектной фразеологии. В четырех главах этой книги ставятся и во многом решаются важные проблемы теории и практики анализа диалектных ФЕ.

В первой главе рассматривается место фразеологии среди значимых единиц в русском языке и его диалектах. Роль слова и ФЕ в номинативном процессе, разграничение свободных сочетаний и

ФЕ в диалектах, отношение последних к другим типам устойчивых сочетаний — вот круг вопросов, которые получили здесь широкое освещение.

Вторая глава посвящена характерным признакам диалектной фразеологии. Упор делается на выявлении специфики фразеологического значения. Учет этой специфики служит основой для классификации ФЕ в зависимости от их функций в предложении.

В третьей главе анализируется сложная проблематика фразеологической вариативности и фразеологической синонимии. Автор полемически решает проблему синонимии вообще и фразеологической синонимии в частности, определяет свое понятие «диалектная фразеологическая синонимия», выявляет синонимические отношения диалектных и общерусских фразеологизмов и касается некоторых вопросов определения и классификации фразеологических вариантов.

Четвертая глава содержит ценные наблюдения о процессах становления сибирской диалектной фразеологии, о ее употреблении и архаизации. А. И. Федоров особо останавливается на фразеологизации речевых метафор, сравнительных конструкций и тавтологических словосочетаниях. В нескольких словах им оценивается и современное состояние диалектной фразеологии. В заключении подводятся итоги конкретного анализа. Ценным источником для будущего исследования фразеологии и паремологии Сибири является Приложение (с. 177—189) — словарь сибирских пословиц и поговорок, записанных автором в 1963—1977 гг. в диалектологических экспедициях.

Опытный диалектолог и фразеолог, А. И. Федоров справедливо подчеркивает принципиальное различие между функционированием региональной лексики и региональной фразеологии уже на первом, «собираательском» этапе. Если диалектная лексика фиксируется легко, «массированно», то диалектная фразеология употребляется в особых ситуациях речевого общения и потому ее фиксация требует особой подготовки и особого искусства.

Не меньшие трудности характерны для описания и интерпретации зафик-

¹ Материалы для региональных словарей ФЕ содержатся также в книге [4] и др.

² Во Введении к рецензируемой монографии А. И. Федоров, правда, пишет, что «из семи тысяч статей и монографий по фразеологии диалектной фразеологии посвящено лишь около двадцати работ» (с. 3). Эта статистика — видимая опечатка, ибо лишь перу самого А. И. Федорова принадлежит более 20 публикаций по русской диалектной фразеологии.

сированных в полевых условиях диалектных ФЕ. Что считать диалектной ФЕ? Где граница между диалектизмом и общенародным, разговорным или просторечным фразеологизмом? Какие сочетания, записанные в говоре, следует считать устойчивыми, фразеологическими, а какие — свежими и индивидуально-речевыми метафорами, сравнениями или перифразами? Объективно и осторожно констатируя сложность ответа на эти вопросы, А. И. Федоров предлагает следующие основные критерии разграничения диалектных ФЕ как языковых единиц и свободных словосочетаний с переносным значением: 1) регулярность употребления при относительно постоянном окружении ФЕ и окказиональный ситуативно-речевой характер употребления свободного сочетания; 2) этимологический элемент содержания диалектных ФЕ, их внутренняя форма, отражающая часто повторяющиеся явления, факты жизни, быта, обычаи, привычки; 3) варьруемость диалектных ФЕ в компонентном составе одного или нескольких говоров; 4) архаичность фразеологических диалектизмов в структурно-синтаксическом и компонентном отношениях (с. 26—27). С учетом этих критериев диалектная ФЕ определяется в книге как «... относительно целостное словосочетание со сложной семантической структурой, единица, обладающая устойчивостью компонентов и модели их сочетаемости, что обеспечивает ей не разовое, а повторяющееся употребление в системе одного или нескольких говоров, и выполняющая в речи экспрессивно-оценочную функцию» (с. 16, 42).

Эту дефиницию, так же как и критерии выделения диалектных ФЕ в целом, можно признать приемлемыми и объективными. Особо важно здесь подчеркивание экспрессивно-оценочной заряженности ФЕ, которая является несомненной семантической спецификой данной единицы языка. Заостряя этот момент во многих местах книги (с. 42—43, 112 и др.), А. И. Федоров справедливо объясняет его решительным перевесом коннотативных элементов фразеологической семантики над номинативными (с. 13—20, 129 и др.). Именно в этом заключается и идеографическая специфика фразеологии. Не случайно, но верным наблюдениям автора, абсолютное большинство ФЕ употребляется в диалектной речи для характеристики различных качеств, признаков, действий и состояний человека: число таких единиц — 95% от всего количества устойчивых оборотов (с. 112). Этим же фактом можно объяснить, как кажется, и заметное преобладание негативно-оценочных ФЕ над позитивно-оценочными.

При конкретном описании материала, правда, эти четкие критерии выделения ФЕ иногда нарушаются самим автором рецензируемой монографии. В корпус диалектной фразеологии им включается целый ряд единиц, семантика которых не обладает экспрессивностью, оценочностью и коннотативностью фразеологического типа. Так, здесь приводятся составные термины и номенклатуры типа

бака мячевая «гриб-трут на деревьях», *белка боровая* «белка, обитающая в смешанном лесу», *белая грыжа* «женская болезнь — белля», *барнаульские пимы* «праздничные, украшенные узором валенки» и т. п. Теоретически А. И. Федоров также справедливо отсекает пословицы от фразеологического корпуса, поскольку воспроизводимость пословиц и воспроизводимость ФЕ — различного типа (с. 40—41). На практике, однако, он иногда описывает пословицы как ФЕ: *Свой ум — царь в голове*, *Где плохо лежит — брюхо болит* (с. 108). Показательно, тем не менее, что именно четкие критерии определения фразеологии, выработанные А. И. Федоровым, и позволяют объективно идентифицировать диалектные ФЕ и отсеять нефразеологические.

А. И. Федорову несомненно удалось выполнить поставленную задачу — показать сибирскую фразеологию во всем ее семантическом многоцветии, дать ее функционально-семантическую классификацию и выявить некоторые закономерности ее образования. Это удалось потому, что автор использует огромный фактический материал, который существенно пополнился со времени выхода в свет его (в соавторстве с Н. Т. Бухаревой) словаря сибирской фразеологии [3]. Этот материал насчитывает 6 тыс. ФЕ, занесенных на 12 тыс. карточек, причем большая часть материала, описанная в книге, вводится в научный оборот впервые.

Проблема классификации такого огромного материала, конечно, не легка. При своей классификации автор исходит из самого главного — из семантики ФЕ. Ведущим принципом поэтому являются семантико-тематический (с. 60) или функционально-семантический (с. 48), которые дают возможность учесть множество коннотативных характеристик сибирской диалектной фразеологии. В то же время структурно-грамматическая семантика является общим дифференциалом, который отслаивает один семантический ряд ФЕ от другого. Так, внутри глагольных ФЕ выделяются такие ряды, как «ФЕ, характеризующие действия, движения человека, способы передвижения», «ФЕ, характеризующие трудовые действия, их результаты, процессы и отношение к ним», «ФЕ, характеризующие действия, связанные с играми, обычаями, играми, с народным этикетом» и др. (с. 59—86).

Такая комбинация структурно-грамматических и тематико-семантических принципов, действительно, помогает классификационно организовать разнообразный фактический материал. Связь структурной и семантической моделей во фразеологии — органична и конструктивна. Поэтому неожиданным и противоречивым кажется утверждение А. И. Федорова, что «между структурным типом фразеологической единицы и ее семантикой и функцией в предложении нельзя найти закономерных соответствий» (с. 112). Ведь то, что их найти можно, доказал практическим анализом сам автор книги. Показательно, например, семантическое различие фразеологии, соот

восительной с именами существительными, и глагольной фразеологии: если первая характеризует, как правило, людей, животных, предметы или явления окружающего мира по какому-либо признаку, свойству, то вторая — по способу, результату или процессу деятельности.

В книге А. И. Федорова немало удачных интерпретаций отдельных проблем, связанных с диалектной и общей фразеологией. К ним относится объяснение механизма архаизации ФЕ, с дифференцированием архаизации слов и архаизации ФЕ; обоснование важности внутренней формы для функционирования ФЕ в народных говорах; учет экстралингвистических факторов, обуславливающих семантическую специфичность ФЕ; описание истории отдельных ФЕ, например, в *котлах ходит (щеголяет)*; в *сапогах ходит* (что означает «очень дорого и о товаре») (с. 24—25) и др. Автор не боится постановки самых острых вопросов, которые стремится объективно разрешить. Так, он успешно полемизирует с А. И. Молотковым, который трактовал фразеологическое значение как лексическое, и доказывает особый коннотативный характер семантики ФЕ (с. 15); подвергает сомнению тезис Л. И. Ройзензона о том, что релевантным признаком сравнений-ФЕ является воспроизводимость, выдвигая на передний план фигуральность, идиоматичность их значения (с. 165—166); опровергает широкое понимание синонимического ряда, предложенное В. И. Кодоуховым (с. 121). Острая постановка некоторых вопросов самим автором монографии несомненно вызовет плодотворную лингвистическую полемику.

Одним из наиболее дискуссионных вопросов, решаемых А. И. Федоровым, является, как кажется, его абстрактно-логическая интерпретация синонимии. На с. 115 автор полемизирует с традиционным определением синонима, которое предлагает А. П. Евгеньева. «Синонимами следует считать слова, — пишет А. П. Евгеньева, — обозначающие одно и то же понятие, тождественные или близкие по значению слова, которые определенным образом соотношены в данное время в языке и служат детализации и различению тонких смысловых оттенков понятия или выражению экспрессивных, стилистических, жанровых и иных различий» [5]. А. И. Федорову кажется непоследовательным видеть в синонимии при общности обозначения одного и того же понятия «тождественные или близкие по значению слова». Поэтому он предлагает считать синонимами лишь «...такие слова, которые, указывая на общий денотат, имеют одинаковое сигнификативное значение, отражающее одну и ту же мысль (понятие, представление)» (с. 121). Термин «сигнификативное значение», употребленный в этой дефиниции А. И. Федоровым, имеет здесь предельно суженную семантику — какой бы степени обобщенности она ни была, ибо «...денотат синонимичного знака указывает на класс обозначаемых предметов; сигнификат — на общие

признаки их, отраженные в сознании человека» (с. 121). Следовательно, сигнификативное значение — это значение, отражающее лишь один понятийный признак и не допускающее никаких видовых или классификационных вариаций обозначения понятия. Такое сужение термина «синоним» (переносимое им и на фразеологическую сферу) ведет к тому, что даже таким традиционным «классическим» синонимам, как *лингвистика*, *языкознание* и *языковедение* он отказывает в синонимическом статусе, учитывая несколько сдвинутую семантическую «перспективу их употребления» (с. 123—124). Вряд ли подобную оригинальную трактовку синонимии следует признать правильной.

Традиция употребления термина «синоним» показывает, что единственно удовлетворительный критерий определения синонимии — это совпадение в обозначении, что отражено и в буквальном значении греко-латинского по происхождению слова *синоним*. Отступление от этой древней традиции у А. И. Федорова приводит к отрицанию самого понятия синонимии, столь важного для постижения семантических свойств языковой системы.

Фразеологическая синонимия в этом отношении — не исключение. Дискуссии здесь кажутся продуктивными лишь тогда, когда они способствуют уточнению границ или сфер распространения фразеологических синонимов и конкретизируют возможные способы синонимической группировки материала, но не в том случае, если в результате их отрицается существование фразеологических синонимов вообще на том лишь основании, что между ними существуют семантические различия какого-либо рода. Семантическая дифференцированность синонимов вообще и фразеологических синонимов в частности — вполне естественное явление, ибо абсолютно тождественных знаков, т. е. синонимов «в чистом виде» в языке, как правило, не бывает, поскольку это противоречит прагматической (в широком смысле слова) функции языка. При таких различиях, однако, в лексической и фразеологической системах всегда выделяются компактные блоки лексем и фразем, объединенных общностью (гораздо реже тождественностью) отношения к денотату.

Узко сигнификативный подход к фразеологической синонимии кажется неправомерным потому, что он строится на ложной посылке о гомогенности синонимии как лингвистического явления. Опыт изучения диалектной лексики и фразеологии показывает, однако, что синонимия в принципе гетерогенна, и потому при ее исследовании можно говорить лишь о ее разных масштабах — например, о синонимии в пределах литературного языка, о синонимии литературной, просторечной и разговорных сфер употребления, о междиалектной и даже межъязыковой синонимии [см. 6]. Разумеется, в каждом таком случае речь идет о синонимии различного семантического объема, но тем не менее описываемый при этом материал будет

удовлетворять основному требованию понятия синонима — равнозначности.

Следует отметить, что в практическом анализе сибирского материала А. И. Федоров сам нарушает свои теоретические установки и приближается к традиционному пониманию фразеологической синонимии. От этого диалектная фразеология только выигрывает, ибо именно отказ от принципа сигнификативной тождественности фразеологических синонимов приводит автора к конструированию полных синонимических рядов, элементы которых отличаются и внутренней формой, и экспрессивной тональностью и структурой. Ср., например, ряд «говорить вадор, пустословить, попусту болтать»: *ватлать языком; веревки скать (вить); колоколить без пути; лясалки точить; лясать (брякать, трелькать) языком; трепать языком как боталом; околосоцу плести; плести несвойску; разговоры размузыкивать; огород городить; собирать (молотить, нести, болтать, боронить, плести) вокруг головы да в пазуху; болтки болтать; бузу пороть* (с. 138).

К методологическим недочетам рецензируемой работы относится также явная переоценка сибирской специфики анализируемых ФЕ в лингвогеографической проекции: «Сибирский крестьянин, таежный охотник, рыбак и т. п. обладают другой системой слуховых и зрительных представлений по сравнению с жителями крупных городов и населенных пунктов Европейской России. А это должно найти свое отражение в семантике диалектных значимых единиц» (с. 10). Естественно, что определенная диалектная специфика в отражении действительности в речи сибиряков имеется. Однако придавать ей статус «другой системы слуховых и зрительных представлений», как нам кажется, ошибочно: это в основном та же система общерусской народной речи.

В книге же к чисто сибирским диалектизмам относятся многие обороты, которые широко известны и за пределами сибирского ареала: *катить бочку на кого-нибудь* (с. 13); *ни с виру, ни с болота* (с. 14); *ботало осиновое* (с. 17); *прожить век за холщовый мет* (с. 162); *по-за лопи-лони* (с. 162); *на кулак слезы мотать* (с. 163) и др. Показательно, что для некоторых из перечисленных диалектных ФЕ «несибирский» ареальный статус беспорочно доказан. Так, ФЕ *ни с виру, ни с болота* не только ареально описывается, но и этимологически интерпретируется

Л. А. Ивашко: эта ФЕ зафиксирована по ее материалам, в псковских, смоленских говорах и в белорусском языке [7]. Видимо, переоценка А. И. Федоровым узкосибирской специфики описанного материала обусловлена тем, что в его монографии ареальный и лингвогеографический аспект изучения диалектной фразеологии не получил освещения. Этот аспект пока вообще, к сожалению, остается наименее разработанным. При этом именно ареальный подход к диалектной фразеологии поможет решить многие вопросы сравнительно-исторического изучения фразеологических систем разных языков.

В книге А. И. Федорова, естественно, не могли найти отражения все возможные аспекты исследования диалектной фразеологии Сибири. Те же аспекты, которые связаны с основными особенностями ФЕ, — и притом всего семантическая специфика этих единиц, — получили здесь всестороннее освещение. Эта книга, насыщенная свежим материалом и полемически заостренными идеями, не только подводит некоторые итоги исследования диалектной фразеологии в нашей стране, но и открывает новые перспективы ее изучения.

Мокиенко В. М.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ларин Б. А. О народной фразеологии. — В кн.: Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. М., 1977, с. 149.
2. Прокошева К. П. Материалы для фразеологического словаря говоров северного Прикамья. Пермь, 1972.
3. Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири. Сост. Бухарева Н. Т., Федоров А. И. Под ред. Филина Ф. П. Новосибирск, 1972.
4. Вопросы фразеологии. Вып. VI. Самарканд, 1972.
5. Евгеньева А. П. Основные вопросы лексической синонимии. — В кн.: Очерки по синонимике современного русского литературного языка. М. — Л., 1966, с. 29.
6. Мокиенко В. М. — ВЯ, 1980, № 4. — Рец. на кн.: Коготкова Т. С. Русская диалектная лексикология (состояние и перспективы). М.: Наука, 1979, 336 с.
7. Ивашко Л. А. Заметки по диалектной фразеологии. — В кн.: Вопросы теории и истории языка. Л., 1969, с. 257.

Булахов М. Г. Евфимий Федорович Карский. Жизнь, научная и общественная деятельность. — Минск: Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1981. 272 с.

В январе 1981 г. научная общественность широко отмечала 120-летие со дня рождения выдающегося ученого, филолога-слависта акад. Евфимия Федоровича Карского. Многие журналы поместили статьи о жизни и деятельности Е. Ф. Карского, в Минске состоялось торжественное

юбилейное заседание Отделения общественных наук АН БССР, на котором были заслушаны доклады о жизни и творчестве, о значении наследия ученого. К этой же дате приурочена и книга М. Г. Булахова.

Небольшая по формату, тщательно и